

тературе для детей изобразительные слова встречаются на каждой строчке: *дили бом, дили бом, загорелся кошкин дом!*...; *а оттуды «пых!»*; ср. также произведения Р. Чуковского, С. Маршака, А. Барто и др. Сюда же относятся и басни Крылова или такой, например, рассказ, как «Ю-Ю» А. Куприна. Но не только в детской литературе мы находим изобразительные слова, и у русских классиков можно найти множество примеров употребления изобразительных слов⁷. При этом следует отметить, что до сих пор не установлено, к какой категории частей речи относятся изобразительные слова в русском языке, отсутствует и единая терминология. Одни авторы относят эти слова к междометиям, выделяя группу звукоподражательных слов, другие — к глагольным междометиям. Во всяком случае этот вопрос привлечет еще неоднократно внимание исследователей.

Книга М. Ф. Фазылова по-новому освещает всю проблему изобразительных слов. Основанная на большом материале эта книга представляет ценный вклад в таджикское языкознание и представит большой интерес не только для лингвистов, но и для широких кругов лингвистов.

А. З. Розенфельд

«On Translation». Ed. R. A. Brower.—Cambridge (Mass.), Harvard university press.—1959. 297 стр. («Harvard studies in comparative literature founded by W. H. Schofield», 23).

Рецензируемая книга представляет собой сборник статей, посвященных переводу в самом широком смысле этого слова и рассматривающих его с разных точек зрения. В предисловии редактора перевод определяется как одна из основных проблем человеческого общения: та или иная форма перевода обязательно предполагает не только изучение иностранного языка и овладение родным языком, но и всякое выражение и сообщение мыслей, всякое усвоение выраженного другими, всякое приобретение опыта. Поэтому вполне понятна необходимость рассмотрения перевода с точек зрения: 1) сравнительного литературоведения, 2) истории мысли и культуры, 3) философии (собственно, «лингво-философии», или философии языка) и 4) языкознания.

Книга подразделяется на три части: 1) «Переводчики о переводе» (стр. 11—133); в эту часть включены конкретные исследования переводов в виде отчетов их авто-

ров — выдающихся переводчиков с разнообразных языков и в различных жанрах; 2) «Разные подходы к проблеме» (стр. 137—267); сюда входят статьи, в которых в обобщенно-теоретическом виде разбираются проблемы, затрагивавшиеся лишь в связи с анализом конкретного материала в работах первой части. Широкий охват разных подходов, включение таких крайних аспектов, как истолкование художественного творчества в различных культурно-исторических контекстах, с одной стороны, и опыты машинного перевода, с другой — вот то основное, что характеризует статьи, включенные в эту часть; 3) «Аннотированная библиография работ по теории перевода» (стр. 271—297) составлена в хронологическом порядке — от выдержек из Цицерона и Горация до «Тезисов Конференции по машинному переводу» (состоявшейся в Москве в мае 1958 г.). В кратком предисловии автор библиографии Б. К. Морган дает характеристику эволюции взглядов на перевод и основных направлений в теории как прозаического, так и поэтического перевода. Он находит возможным свести все разнообразие высказываний, содержащихся в собранной и аннотированной им литературе, к следующим трем тезисам: 1) хороший перевод требует знания иностранного языка и его реалий и искусного владения тем языком, на который переводят, потому что перевод в такой же мере является произведением искусства, как и оригинал; 2) в своей работе переводчик может руководствоваться только собственным вкусом и полагаться только на свой талант, так как он лишен объективных критериев для определения характера воздействия оригинала на первоначальную аудиторию и, следовательно, для объективного определения того, насколько воздействие его «версии» соответствует тому, какое имел на своих читателей или свою публику оригинал, и 3) подобно актеру, переводчик обращается к живой современной аудитории, почему модернизация переводов является совершенно необходимой.

Переходя к критическому рассмотрению первой и второй частей книги, представляется целесообразным не придерживаться принятого в ней порядка и сгруппировать статьи следующим образом: 1) проблемы перевода художественной литературы и особенно поэзии. Сюда надо будет отнести, во-первых, статьи, трактующие общие вопросы теории художественного перевода (т. е. разнообразные вопросы, связанные с интерпретацией художественных произведений), и, далее, связанные с этой проблемой различные конкретные вопросы — рассмотрение традиций художественного перевода, преобладающих в тот или иной исторический период, и т. п.; 2) лингво-философский и лингвистический аспект перевода, начиная от общесемасиологических вопросов, затем переходя к вопросам сопоставления конкретных языков и кончая специфическими задачами «автоматического» перевода.

Большая часть статей сборника посвящена первой из этих проблем, т. е. пробле-

⁷ Большое количество примеров приводится в специальной работе А. П. Германовича «Звукоподражания и звукоподражательные слова русского языка», «Известия Крымского пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. XII, 1947, а также в книге В. А. Третьякова «Современный русский литературный язык. Морфология», Л., 1957, стр. 171—174, 274—276; в книге «Современный русский язык. Морфология (Курс лекций)», Изд-во МГУ, 1952, стр. 491—493.

ме художественного перевода. В статье «Версии, интерпретации и исполнения» («Versions, interpretations and performances») Д. Ж. Холландер исходит из принципиальной невозможности сведения «значения», содержания художественного произведения к простой сумме значений его частей. Поэтому художественный перевод, по его мнению, не может ограничиваться простым раскрытием значения отдельных предложений или фраз. Это — либо первая ступень в процессе художественного перевода (тогда это предварительная передача на своеобразный «язык значений», своего рода «костыли», которыми приходится воспользоваться для того, чтобы научиться ходить), либо подстрочник, изготовляемый для учебных целей. Перевод в собственном смысле, по мнению Холландера, начинается только после того, как значение выслушано, схвачено, «освобождено» и начинает находить свое новое воплощение. Таким образом, художественный перевод выступает как создание новой версии произведения, как своего рода вариация на тему, подобно тому как, например, «тема» Лира или Отелло оказывается транспонированной в хореографию.

Место художественного перевода среди различных видов эстетической интерпретации (игра актера, работа постановщика, композитора, пишущего музыку для пьесы или балета, и т. п.) рассматривается в статье Р. Поджиоли «The added artificer» (английская перефразировка латинского *artifex additus artificii*). Специфика переводчика по сравнению с другими «интерпретаторами» в том, что он пользуется теми же средствами, той же материальной средой, что и создатель оригинала. Но поскольку он занят художественной интерпретацией, то, по мнению Р. Поджиоли, его деятельность не может быть не чем иным, как транспозицией чужой эстетической индивидуальности в свою собственную. («Подобно автору оригинала, переводчик является Нарциссом, рассматривающим свое изображение не в роднике природы, а в бассейне искусства».) Отсюда — естественное выдвигание во главу угла проблемы самовыражения и привлечение всей той весьма туманной терминологии, которую невозможно переводить с одного языка на другой и которой пользуются, когда пытаются проникнуть в «таинство» эстетического переживания и выражения. Но автор не ограничивается подобными моментами общеэстетического характера в вопросе о художественном переводе. Он указывает также на необходимость учитывать роль переводчика как разъяснителя, воспитателя и т. п., помогающего национальным литературам возобновляться и возрождаться, иногда даже «спасающего» их от неизбежной гибели вследствие самоподражания.

Статья редактора сборника Р. А. Брауэра «Семь Агамемнонов» посвящена исследованию шести разных переводов Эсхилова «Агамемнона» на английский язык, начиная с XVI века. Автор показывает, как на этих переводах отразились воззрения

каждой из эпох и как путем подобного рода исследований можно изучать изменения, непрерывно происходящие в данном обществе во взглядах на поэзию, ее правила, на свойства поэтического языка. Сопоставительное изучение различных переводов имеет, следовательно, значение для истории литературы и истории мысли, истории идей.

Остальные статьи этого цикла посвящены анализу отдельных конкретных переводов без попыток широких обобщений. Интересная статья Д. Найта посвящена исследованию знаменитого перевода «Илиады» и «Одиссеи» Гомера А. Поупом. Найт раскрывает причины огромного успеха этого перевода, те его качества, которые делают его важным культурно-историческим памятником. В статье «Поэтические нюансы» Д. Фиттс на разнообразном и интересном материале вполне убедительно обосновывает свое понимание художественного перевода: поэтический перевод не сводится к передаче идей и образов; он обязательно должен передавать оттенки речевого построения, звука, тона. Конечно, переводчик поэзии должен обладать достаточной стиховедческой подготовкой для того, чтобы ему была ясна внутренняя механика, стихотворческий механизм подлинника. Но он непременно должен быть и сам в такой степени поэтом, чтобы его перевод был поэтическим произведением, а не набором выписок и толкований кропотливого и поэтически неодаренного комментатора. Фиттс решительно восстает против нигилистического взгляда на художественный перевод и вместе с тем подвергает критике «метод Набокова», об идеях которого можно судить по включенной в рецензируемый сборник статье «Путь рабского подражания».

Вопросы поэтического перевода обсуждаются Д. Ж. Метьюсом в статье «Мысли о переводе поэзии» в связи с рассмотрением переводов Э. Паунда с китайского и в связи с анализом высказываний П. Валери по вопросам перевода. Очень интересны и насыщены тщательно проанализированным материалом статьи Р. Латмора «Практические замечания о переводе греческой поэзии» и Р. Хамффриза «Латинский и английский стих — некоторые практические соображения».

Как уже было сказано выше, лингво-философский и лингвистический аспект проблемы перевода освещается в сборнике очень широко. В статье «Значение и перевод» У. В. Куйн подвергает обстоятельному рассмотрению проблему сопоставления значений в разных языках, которая становится тем более сложной, чем меньше возможности выведения их из невербальных стимулов, т. е. из неязыковых ситуаций, и чем дальше друг от друга сравниваемые языки в генетическом и культурно-историческом отношениях. Возможность «корреляции значений на сопоставляемых языках через внеязыковую ситуацию» дает эмпирическое значение, которое может определяться без- (или вне-)

языковыми реакциями на высказывания в данной ситуации.

То, что именно проблема значения является основной при обращении к вопросам перевода с точки зрения языкознания, вполне подтверждается статьёй Р. Якобсона «О лингвистических аспектах перевода». Полемизируя с Расселом (утверждающим, что для того, чтобы понять слово, необходимо быть знакомым с обозначаемым им предметом), Якобсон настаивает на том, что значение есть лингвистический, точнее — семиотический факт. Поэтому как для языковедов, так и для всех, естественно пользующихся языками, значение лингвистического знака (конкретно — слова) есть не что иное, как перевод его посредством другого знака, обычно знака, полнее развитого. Перевод бывает трех видов: 1) внутриязыковой, т. е. истолкование словесных знаков посредством других знаков того же языка; 2) межъязыковой, т. е. собственно перевод или истолкование словесных знаков языка посредством словесных же знаков другого языка; 3) интерсемиотический, или «трансмутация» (transmutation), т. е. истолкование словесных знаков посредством несловесных (non-verbal) знаковых систем. Наиболее распространенный и до сих пор практически наиболее важный вид перевода — перевод межъязыковой — обычно предполагает не замену отдельных знаков одного языка отдельными знаками другого языка как кодовых единиц, а замену целых сообщений на одном языке эквивалентными им сообщениями на другом, т. е. эквивалентность при различии. Это и есть основная проблема языка и основной предмет лингвистики, так как без этого невозможно ни описание языков, ни их сравнение, ни составление словарей и двуязычных грамматик.

Все, что доступно познанию, может быть выражено на любом из существующих языков. Отсутствие грамматического соответствия может быть восполнено лексическими средствами. Отсутствие специальных выражений легко восполняется заимствованиями, кальками, неологизмами, семантическими сдвигами и описаниями. Поскольку языки различаются прежде всего не тем, что они могут выразить, а тем, что они обязательно должны выразить, многократный перевод сообщения в пределах двух языков приведет к его обеднению. Однако чем полнее контекст, тем меньше будет потеря информации.

Способность говорить на данном языке подразумевает способность говорить и об этом языке; познавательный (или интеллектуальный) уровень языка не только допускает, но требует интерпретации через перемену кода или перевод. Поэтому на познавательном или интеллектуальном уровне не может быть и речи о непереводаемости. Но в мифологии, магических формулах, поэзии и т. п. положение коренным образом меняется. Здесь речь идет уже не о переводе в собственном смысле, а о творческой транспозиции, которая тоже может быть трех видов, т. е.: 1) внутриязыковой транс-

позицией — из одной поэтической формы в другую; 2) межъязыковой транспозицией — из одного языка в другой; 3) интерсемиотической транспозицией — из одной системы знаков в другую, т. е. из сферы художественного слова в музыку, танец, кинематограф или живопись.

Статья известного лингвиста и миссионера Э. Найда «Принципы перевода (на примере перевода библии)» дает развернутую систему принципов и определений, выведенных из богатейшего опыта перевода библии на разнообразнейшие языки. Э. Найда начинает изложение с характеристики этнолингвистической структуры коммуникации при двух-, а затем трехъязыковой модели. Различия собственно языковые наиболее рельефно проявляются: 1) в различиях классификаций слов (несовпадения классов слов и связанных с ними обобщенных значений); 2) в различиях систем грамматических категорий, особенно в плане несоответствия обязательной грамматической информации. [Например, перевод IV, 3 от Матфея на Вилла Алта оказался затруднительным вследствие того, что на этом диалекте языка запотек (южная Мексика) обязательной грамматической информацией является противопоставление впервые совершаемого и повторного действия; а узнать, посещал ли Христос Капернаум до описываемого там случая, нет возможности]; 3) в различном соотношении абстрактных и конкретных слов; 4) в различиях семантической структуры слов (несовпадение их семантических сфер); 5) в специфике фразеологических связей (эндоцентрические и экзоцентрические конструкции на семантическом уровне); 6) в различных соотношениях лингвистической формы и семантической функции и др.

В сборнике помещена статья А. Фанта «Некоторые мысли о трудностях перевода», посвященная общим и специфическим трудностям перевода с китайского языка, и статья Ю. О'Брайена «От английского к французскому», рассматривающая проблемы, которые возникают при сопоставлении французского и английского, т. е. языков, близко связанных как генетически, так и культурно-исторически. Интересны краткие заметки Э. Мюра «Перевод с немецкого».

Сборник заканчивается статьёй известного специалиста по вопросам математической лингвистики и автоматического перевода А. Г. Эттингера под названием «Automatic transference, translation, remittance, shunting». Статья рассчитана на широкого читателя неспециалиста и является прекрасным введением в предмет и его популяризацией.

Можно надеяться, что сделанный по необходимости далеко не полный обзор материалов этого очень интересного сборника все же даст представление о различных подходах к проблеме перевода, которая действительно выдвигается теперь на одно из центральных мест в ряду основных проблем языкознания.

О. С. Айманова